

Андрей Буторин

Изгородь

«Издательские решения»

Буторин А.

Изгородь / А. Буторин — «Издательские решения»,

В последнем из шести тематических сборников фантастических рассказов, объединенных общим названием «БутАстика», писатель-фантаст Андрей Буторин предлагает читателям рассказы, представляющие поджанр «сюрреализм», а также те, что не удалось отнести ни к одному из анонсированных поджанров. Сборник также содержит литературные миниатюры автора.

Содержание

От автора	6
Миниатюры	7
Бледная Тень	7
Бой без правил	8
Отвергнутая жертва	9
«Бла-бла-бла»	10
Уда и Кич	11
Удачная операция	12
Палыч, да не тот	13
Срезал	14
Уж замуж невтерпёж	15
Вершитель Добра	16
Автостоп	17
Мечтатель	18
Рисунки на стене	19
«Бы»	20
Колдовство	21
Ничья	22
Дура	23
Куратор Кактусов	24
Сочувствие	25
Новый рецепт	26
Гулёна	27
Ракета	28
Счастливое имя	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Изгородь

БутАстика – 6. Сюрреализм, прочее. Миниатюры, рассказы

Андрей Буторин

Познание

*Не прячься за черными ка́мнями —
Они могут быть и горячими,
Не хлопай массивными ставнями —
Дома должны быть только зрячими.
Не надо болеть ожиданием —
Дорогу ступнями нащупывай,
И с тем, чего ждешь ты, свидание
Небесным откроется куполом.*

*Тогда ты увидишь воочию
Ручей, меж камнями виляющий,
А тихой, безлунною ночью ты
Познаешь свет звезд направляющий.
И только в раздумии тягостном
Откроешь какую-то истину,
На глянце сознания радостно
Еще одну формулу выстегнув.*

*И с миром найдешь ты согласие,
С людьми, так тебе непонятными,
И камни взорвутся безгласые
Аккордами счастья набатными.
Тогда себе цену, не ранее,
Назначь, научившись лишь сравнивать,
Иначе придется сознание
Катком для асфальта выравнивать.*

(Стихи автора)

© Андрей Буторин, 2015

© Андрей Буторин, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мысль сделать сборники моих рассказов появилась у меня давно. Я начал писать фантастику в 90-х годах прошлого века, и, как водится, сначала это были рассказы. Но и позже, когда были написаны и изданы произведения крупной формы, рассказы я тоже вниманием не обделял. Что-то возникало спонтанно, в результате «творческого озарения», что-то писалось для конкурсов, таких как «Рваная грелка», «КолФан» и пр., что-то создавалось специально для журналов и сборников.

Кстати, о журналах и сборниках. В них на сегодняшний день опубликовано более тридцати рассказов. Это такие журналы как «Если», «Техника-молодежи», «Знание-сила: Фантастика», «Юный техник» и другие, менее известные, в том числе и зарубежные. В итоге мои рассказы увидели свет в таких странах как Россия, Великобритания, Канада, Израиль, Латвия, Украина и США.

Однако я не стал делить рассказы для задуманных сборников на те, что уже опубликованы (есть такие, что и не единожды), и на те, что так еще и не видели свет. Не думаю, что факт публикации автоматически делает текст лучше. Мало того, я даже оставил все рассказы в первоначальном виде, без той переработки, что требовали некоторые издания. Единственное, что я позволил себе, это еще раз сделать вычитку и провести минимальную редактуру с позиции моего нынешнего опыта, а также реалий сегодняшнего дня.

Произведения наверняка неравноценны по стилистике, уровню подачи материала, занимательности сюжета и прочим литературным параметрам, ведь писались они в разное время – и когда я еще только начал приобщаться к литературному творчеству, и когда приобрел уже какой-то опыт. Тем не менее, я не стал делить их по признаку новые-старые, потому что все они для меня родные дети, с каждым что-то связано, каждый чему-то меня научил. Не стал я и сортировать их по датам написания, посчитав, что это вовсе не самое главное.

Я провел деление по другому принципу. Хотя все рассказы принадлежат любимому мною жанру фантастике, но тематика у них очень разная; она представляет такие поджанры как фантастика научная, юмористическая, любовная, проза для детей и юношества, мистика-ужасы, сюрреализм... В связи с тем что рассказов накопилось много, порядка восьмидесяти, и все они представляют перечисленные выше направления, я решил сделать не один, а несколько сборников – каждый по своей тематике. Объединяет их придуманное мною название «БутАстика»; потому что это Буторин Андрей, и потому что это фантастика.

Последний из шести задуманных сборников принадлежит не только поджанру «сюрреализм», как я планировал вначале, но в него также вошли и несколько рассказов, не относящихся напрямую ни к одному из представленных в моих сборниках поджанров. Также я разместил здесь и миниатюры, которые вообще относятся к разным жанрам/поджанрам, даже не всегда к фантастике.

Приятного чтения, дорогие друзья! Жду ваших отзывов.

*Искренне ваш,
Андрей Буторин*

Миниатюры

Бледная Тень

Впервые я заметил ее полгода назад. Почувствовал за спиной, обернулся... Она мне не понравилась: тусклые волосы, широкие скулы, фигурка – тоже не ах. Я дал ей определение «бледная». А через пару дней добавил еще одно: «тень». Потому что, куда я ни шел, она шла за мной следом. На ней почти всегда была гарнитура: наушники с микрофоном. И почти всегда она что-то нашептывала. Возможно, зубрила какой-то язык, а скорее всего сочиняла стихи. О своей любви ко мне. Еще лишь второй день видя этот свой «хвостик», я спросил ее прямо, зачем она ходит за мной.

– Потому что люблю тебя, – сказала она обыденно-просто. – Не могу без тебя жить.

– Отвянь, – попросил я. – Ты совсем не в моем вкусе.

– Я знаю, – ничуть не смутилась она. – Но разве я тебе мешаю? Пристаю к тебе? Путаюсь под ногами? Я просто иду сзади.

– Ты дура?

– А ты видел умных влюбленных?

И она продолжала ходить за мной всюду, внезапно появляясь, когда я выходил из подъезда, и так же внезапно пропадая, когда я куда-нибудь заходил. Еще она исчезала, если я был не один. Быть еще чьей-то тенью она, видимо, не желала.

Первую неделю я злился.

– Уходи! – останавливался я. – Пошла прочь, дура!

– Ты купил этот город? – стягивала она наушники. – Эту улицу, воздух?..

Я скрипел зубами и шел дальше.

Через пару недель я привык к своей Бледной Тени. Через месяц перестал обращать внимание, как не придают значения обычным теням.

А вчера она не появилась. Я не сразу понял, отчего мне так неуютно. Завертел головой – и не нашел Бледной Тени. Я удивился, но подумал, что моя Тень – все-таки человек. Она может заболеть, у нее может быть неотложное дело... Но весь день я постоянно оглядывался. Мне явно не хватало моей Бледной Тени.

Сегодня ее не было тоже. Может, с ней что-то случилось? А ведь я не знаю ни ее адреса, ни имени, ни кто она такая вообще! Где мне ее искать?

Светило солнце. Позади, дразнясь, бежала настоящая тень – бледное подобие моей Бледной Тени. Я понял, что не могу без нее.

Если она не появится завтра, нужно будет выключить солнце.

Бой без правил

Доктор стоял в одном углу ринга, морская свинка – в другом. Доктор был стар и лыс, свинка – молода и волосата. Доктор любил лечить переломы, свинка любила море. Никто из них не любил драться. Но рефери махнул рукой, бросил короткое: «Бокс!» и резво отпрыгнул, дабы не быть смятым ураганом боя.

Морская свинка рванулась к сопернику. Соперник захромал навстречу свинке. Да, доктор был хром. Он хорошо лечил переломы другим, но другие плохо вылечили перелом ему. Но это было так давно, что он их давно простил. Он даже забыл, кто это такие.

Напрасно. Потому что они-то помнили все хорошо. Ведь это они сломали доктору ногу – давно, когда тот еще не был доктором. Он работал охранником в банке, а они промышляли грабежами. При очередном налете они и сломали ему ногу. Точнее, он сломал ногу об них. И уж лечить тот перелом они, конечно, не стали. Хотя бы потому, что в тюремной камере не было нужных инструментов, и уж тем более в ней не было сломанной ноги будущего доктора, которым тот как раз и стал, учась лечить свою ногу. А им не оставалось ничего другого, как вынашивать планы мести.

Они получили большой срок, которого хватило, чтобы составить суперплан. Он мог бы войти в учебники, если бы они посвятили в него их писателей. Они решили выдрессировать морскую свинку. Бойцовую морскую свинку! Поскольку лишь свинку им разрешили держать в камере.

Прошло сорок лет после тех драматичных событий. Они бы откинулись раньше, но свинки дохли, а им не удавалось добиться требуемого, поэтому срок приходилось подмывать.

Но вот свинка-боец была создана! Чтобы не получить еще один срок, они пошли на хитрость и вместо драки в подворотне устроили врагу формально честный спортивный бой.

Они сказали ему: «Надо!», а это слово было для доктора свято.

Но они просчитались. Свинка была гораздо меньше, чем доктор, и ее убойные удары не достигали цели. Мало того, на нее случайно наступил доктор той самой хромой ногой...

Так и не увидела свинка море, которое она любила и в честь которого была названа.

Отвергнутая жертва

- Доктор! Вы такой молодой, только-только получили диплом. Ну зачем вам я?
- Потому что вы...
- Я уже почти старая, посмотрите, какая у меня грубая кожа! А она – очень молоденькая, совсем еще юная.
- Но она...
- Вы только гляньте на ее тонкую кожицу: она почти что прозрачная! Коснитесь ее: это же чистый бархат! Только представьте, как вам с ней будет легко!
- Ну, как же вы...
- А как она смотрит на вас, вы заметили? Она готова на все!
- Но мне нужны вы!..
- Да почему обязательно я? Подумайте хорошенько, ведь я могу испортить вам жизнь, разрушить карьеру, покалечить вашу судьбу! С ней же вы не получите никаких проблем, вы и сами это прекрасно понимаете.
- Я понимаю, но...
- Вы не понимаете. Вы даже не можете понять на что я пошла. Ведь она – моя лучшая подруга! А я отдаю ее вам. Возможно, навсегда... А вы совсем не цените мою жертву!
- Я ценю, но мне нужна не она, а вы!
- Но почему? Почему именно я? Что во мне особенного?
- Вы знаете сами.
- Да, знаю. И соглашусь, что у нее этого нет. Но разве это так важно? Когда-нибудь потом у вас будут и такие, как я, и даже еще... интересней. Но сейчас... Поверьте, я желаю вам добра. Сейчас вам нужна только она.
- Перестаньте, прошу вас! Я устал повторять: мне нужны именно вы. Тем более, и я нужен вам. Очень нужен! Поверьте, я знаю, что говорю.
- Ну... хорошо. Вы умеете быть настойчивым, я вас зауважала. Но все-таки пусть она будет у вас первой. А я посмотрю. И, если у вас все получится, возможно, я и отвечу вам «да».
- Но в направлении на операцию стоит ваше, а не ее имя!.. Я против морской свинки! Как хотите, но моей первой пациенткой станете именно вы.

«Бла-бла-бла»

Парк, поздний вечер. Со светлого еще, июньского неба таращится пустыми глазницами прозрачная луна. Лениво чирикают птички. Красота! Сонная сказка.

Но Мите и Мане отнюдь не до сна. Они хотят целоваться.

– Бла-бла-бла... – озирается на фланирующие парочки юная и стеснительная Маня.

Митя более опытен в жизни, на его темени плешь.

– Бла-бла-бла! – берет он Маню за руку и решительно ведет в сторону темной боковой аллеи.

В глухой части парка Митя и Маня находят пустую лавочку.

– Бла-бла-бла, – бархатисто воркует Митя, привлекая к себе Маню за плечи.

– Бла-бла-бла... – закрывает та глаза и подставляет для поцелуя губы.

– Бла-бла-бла!.. – задыхаясь от страсти, жадно тянется к ним Митя...

– Бла-бла-бла! – вырастает перед влюбленными грозный силуэт хулигана. – Бла-бла-бла! – сплевывает он под ноги Мите, хватая за руку Маню и тащит ее в кусты.

– Бла-бла-бла!!! – истошно кричит Маня, умоляюще оглядываясь на Митю.

– Бла-бла-бла!.. – затихает вдали успокаивающий Митин голос.

– Бла-бла-бла!!! – выбегает Митя на центральную аллею.

– Бла-бла-бла... – испуганно обходят его гуляющие парочки.

– Бла-бла-бла! – радуется, увидев милиционера, Митя.

– Бла-бла-бла... – расстегивает пустую кобуру милиционер.

– Бла-бла-бла! – прижимает Митя к сердцу руки.

– Бла-бла-бла!.. – показывает милиционер фото двух милых карапузов.

– Бла-бла-бла... – протягивает Митя столик.

– Бла-бла-бла, – морщится и уходит милиционер.

Митя бредет назад к темной аллее. «Бла-бла-бла?..» – с надеждой думает он.

И впрямь, хулигана уже нет. На лавочке рыдает Маня. Одной рукой она закрывает лицо, другой пытается застегнуть порванную кофточку.

– Бла-бла-бла!.. – кидается к ней Митя, но, наткнувшись на пустой Манин взгляд, замирает: – Бла-бла-бла?!..

– Бла-бла-бла... – беззвучно шевелит вспухшими губами Маня.

– Бла-бла-бла! – презрительно бросает Митя. Он гордо поворачивается и уходит.

– Бла-бла-бла!.. – чирикает взлетевшая с ветки птичка и, набирая высоту, какает на Митину плешь.

Сказка кончается. Небо темнеет. Слепая луна наливается желтизной.

Уда и Кич

Зимним морозным днем философы Уда и Кич ехали в метро. Путь предстоял долгий, и друзья уютно расположились на сиденье, благо как раз пустовали два места. Кич сразу задремал. Уда вначале сопел, но вскоре стал тихо похрапывать.

На следующей станции освободилось место справа от Кича. Туда сразу плюхнулся невзрачный мужчина, от которого резко пахло спиртным.

– Подвинься! – пихнул он в бок Кича.

Философ подвинулся, прижав Уду к поручню. Сон разом оставил друзей.

Зато в плен к Морфею попал их новый попутчик. Да так основательно, что развалился на сиденье, закинув ноги на колени к философам.

– Что-то мне надоело сидеть, – подскочил Уда.

– Я постою с тобой, – встал рядом Кич, – а то тебе будет скучно.

– Тем более, все равно бессонница... – зевнул Уда.

– Потому что день, – согласился Кич и тоже зевнул.

– И зима. Недаром поэт сказал...

– «Мороз и солнце, день чудесный!» И что-то вроде «не фиг спать».

– Вот именно! Нелепо спорить с классиком.

«А еще нелепей – с пьяным быдлом», – подумали оба, но озвучивать режущую ухо сен-тенцию не стали.

Друзья долго стояли молча. Уда стал переминаясь с ноги на ногу. Кич обеими руками повис на верхнем поручне.

– Снимает нагрузку с межпозвонковых дисков, – пояснил он свою позу.

– И ногам так гораздо легче! – «подвесился» рядышком Уда.

– Зато тяжелей рукам... – запыхтел вскоре Кич.

– Все относительно, мой друг, – сказал Уда, руки которого тоже быстро устали. – Добро и зло извечно ходят парой.

– Добро должно быть с кулаками! – внезапно послышалось сзади.

К сиденью протиснулся плечистый парень. Он сгреб за шиворот храпящего пьянчугу, сдернул того с сиденья и мощным толчком отбросил в проход. Сам же сел на освободившееся место и с доброй улыбкой посмотрел на философов.

– О, спасибо! – возликовали друзья, намереваясь занять прежние места.

– А как же классик? – жестом остановил их парень. – Мороз и солнце, и все такое?..

– В ногах правды нет, – буркнул кто-то из друзей. – Тоже, между прочим, классика.

– И то верно, – кивнул парень и вытянул через все сиденье ноги.

Удачная операция

Ольга давно не может взять в толк, почему она видит одно, а слышит другое? Получает зарплату и понимает, что денег хватает на то лишь, чтобы не протянуть ноги, а с экрана телевизора убеждают, что ее благосостояние о-го-го как растет! Да и вообще, то, что она видит и слышит по телевизору, почему-то сильно отличается от того, что она видит и слышит на улице, в транспорте, в магазинах, на работе...

Но самое ужасное – она замечает, как кривится, увидев ее, муж, а слышит от него, что она самая лучшая. И сердится ее вопросу о помаде на рубаше – советует выписать очки. Может, и правда пора?..

Окулист встречает ее очень радушно. Усаживает напротив таблицы, велит закрыть один глаз и читать буквы. Потом другой...

– Но у вас отличное зрение! – удивляется он.

Ольга рассказывает доктору о своей проблеме. Тот хмурится.

– Здесь может помочь только операция.

– Дорогая? – пугается Ольга.

– Я сделаю ее вам бесплатно, – торжественно говорит доктор.

– Почему?

– Потому что искренне сочувствую вам. Но бесплатно – не значит некачественно. Успех я гарантирую. Так вы согласны?

– Согласна, – шепчет побелевшими губами Ольга.

– Тогда приступим, – потирает ладони окулист.

– Что, прямо сейчас?

– А зачем тянуть? Ведь вы же мечтаете поскорей избавиться от вашей проблемы?

Ольга кивает.

Врач приглашает ее лечь на кушетку. Ольга ложится. Доктор накрывает ее до самой шеи белоснежной простыней, просит поднять голову, оборачивает ее марлей, аккуратно укладывает затылком на мягкое изголовье. Затем чем-то стеклянно позвякивает вне поля ее зрения:

– Вам оставить тот же цвет, или предпочитаете другой? Есть карие, голубые, зеленые...

– Нет-нет, пусть остаются серыми, – пугается Ольга.

Потом она чувствует резкий запах наркоза, а затем... очухивается от жгучей боли в глазах и ощущения там чего-то инородно-твердого.

– Очнулись? – слышит она бодрый голос доктора. – Поздравляю! Операция прошла удачно.

– Но я ничего не вижу! – в ужасе кричит Ольга.

– Так и должно быть, – успокаивает ее окулист. – И покажитесь-ка еще лору.

Палыч, да не тот

– Слыхал, Палыч помер? – бросился к Петру друг Степа, размахивая руками, будто Икар на взлете.

– Слыхал. Царствие небесное...

– Да какое царствие!.. Он вчера пузырь где-то заныкал!

Петр мигом забыл о скорби и схватил кореша за лацканы пиджака:

– Откуда знаешь, едрить ты?

– Так он сам хвастался, – задергался, словно червяк на крючке, тщедушный, лысоватый Степа. – Стырил, грит, у Зинки стольник, отоварился, ну и...

– А чего ж прятать-то? Вчера бы и выпили.

– Да его Зинка куда-то припахала. Грит, если не пойду – убьет.

– Так и так помер! – сплюнул Петр и поставил друга на место. – Небось, Зинка и запахала до смерти.

– А нам что делать?

– Что теперь сделаешь? С того света не спросишь.

– Грят, можно... это... ну, духа вызвать... – поежился Степа. – Стол поворачать...

– Ну, пошли вращать, – вновь сплюнул Петр. – Едрить ты!

Стол решили вращать дома у Степы. Темнело. В окно заглянула луна.

Друзья зажгли свечку и сели за маленький журнальный столик.

– А как звали-то Палыча? – спросил Петр.

– Да кто его знает. Палыч и Палыч.

– И как же мы его позовем без имени, без фамилии?

– А чего? Там анкеты не требуют. – Степа положил руки на столик и прошептал в пустоту: – Эй, Палыч, явись, типа...

– Палыч! – подхватил Петр и тоже взялся за столик. – Явись, едрить ты!..

Но внезапно его охватил страх, и Петр отдернул руки.

– Ты чего? – двинул к нему столик Степа. – Бери!

– Я... – начал Петр, но глянул на кореша и осекся. Степа вдруг стал напыщенно важным, провел рукой по лысине и заговорил с явным грузинским акцентом:

– Акултызмом нэ прыстало заныматся савэтским лудям. За эта паложын срок. Впрочэм, ви давно нэ савэтский, а патаму вас нада проста расстрэлят.

– Степ, ты чего?... – залепетал Петр. – Где Палыч? Он был?..

– Палыч здэс, – услышал он в ответ. – Палыч биль, ест, и тэпэр будэт всэгда.

Тот, кто это сказал, резко отодвинул столик и встал. Пламя свечи дрогнуло и погасло. Петр съежился. Он затравленно глянул на бывшего Степу, и ему показалось, что в лунном свете блеснула стекла пенсне.

Срезал

«Кризис среднего возраста» вылился у Юрия в приступ ностальгии. Внезапно ему захотелось поехать в родную деревню, где он не был лет двадцать. Там давно никто не жил, вряд ли уцелел и дом, но прихоть – страшная сила, и он ей поддался.

Самолетом – до областного центра, автобусом – до районного, а вот дальше... Дальше петляла по лесам и лугам разбитая грунтовка, на которой и в прежние годы можно было прождать попутку не один час. Теперь в ту сторону, похоже, вообще никто не ездил. И Юрий решился идти пешком. Сил и здоровья ему хватало, светило солнышко, пели птички, а сердце само готово было упорхнуть к родному очагу.

Юрий решил схитрить. В одном месте дорога делала крюк – шла вдоль реки до моста, а потом возвращалась по другому берегу. Он прикинул, что если срежет путь, то выиграет километров пять.

Река сильно обмелела, и ему легко удалось перебраться ее. К дороге нужно было пройти по лесу совсем немного. Однако найти ее Юрию было не суждено, он заблудился. Внезапно набежали тучи, подул сильный ветер. Зашумели кроны берез, заскрипели сосны. В лицо Юрию бросило пригоршню старой хвои. Он протер глаза, но правому все равно что-то мешало. Юрий раздраженно стал тереть его, пока не вскрикнул от острой боли. Впрочем, отняв от лица руку, он тут же забыл и о боли, и обо всем остальном – за деревьями справа что-то мелькнуло. Юрий устремил туда слезящийся взгляд, но никого не увидел. Зато теперь неясная тень мелькнула гораздо правее того места. Юрий похолодел. Так быстро никто бегать не мог – ни волк, ни заяц. А загадочное нечто пронеслось между тем снова. И опять с правой стороны.

«Обходит!» – понял Юрий и сорвался с места. Он бежал, словно раненный зверь, не разбирая дороги. Падал, вскакивал и снова мчался вперед. А справа от него неумолимой тенью летел его преследователь.

Обезумевшего Юрия подобрали через неделю охотники. Сначала они приняли его за нежить из-за кровавого правого глаза. Но скоро поняли, что причиной красноты была сосновая игла, застрявшая под нижним веком.

Уж замуж невтерпёж

Потягивая через розовую соломинку коктейль, Вера глядела на сидящих в баре мужчин. Коктейль был крепким и выглядел очень красиво. Сначала бармен налил в стакан молоко, затем по лезвию ножа добавил туда спирта. Молоко тотчас свернулось, и брошенная в стакан маслина опустилась сквозь прозрачный слой алкоголя до синеватой взвеси сыворотки над белым желеобразным сгустком, где и зависла. Стало казаться, что стакан заключил в себя огромный, внимательный глаз. В завершение бармен кинул туда веточку укропа. На взгляд Веры, это испортило вид напитка. Она извлекла из стакана укроп и быстро его съела.

Мужчины, по ее мнению, были здесь куда менее крепкими и красивыми, нежели коктейль. Почти всех она видела раньше и была вынуждена признать, что ни один из них не годился на роль ее мужа. А замуж очень хотелось. Да и пора бы, двадцать пять лет – уже почти старость.

Вера втянула в себя жгучую струйку, закурила и в очередной раз обвела взглядом мужчин. Нет, достойных кандидатов среди них не было. Взять хотя бы то, что все они ошииваются в баре. Зачем ей муж-пьяница? Да и красавцы – те еще! Кто с лысиной, кто с брюшком, а кто с полным комплектом плюс ростом чуть выше стола.

Вот разве что Игорь... Вера прищурилась на рослого парня лет тридцати, только что вошедшего в дверь на пару с лощеным боровом. Она знала, что Игорь работает в банке начальником отдела; почти не пьет, посещая бар, лишь чтобы задобрить нужного клиента. К тому же, он был очень красив. И все бы хорошо, если бы не одно «но» – Игорь сильно хромал. Вера узнала, что раньше он играл в футбол, пока не получил серьезную травму. Уже то, что он занимался такими глупостями, принижало его в Вериных глазах. Да еще инвалид... Нет, этот вариант ей тоже не подходил.

Тяжело вздохнув, Вера отбросила соломинку и одним глотком осушила стакан. Потом взяла прислоненные к стойке костыли, грузно сползла со стула и заскрипела протезами к выходу.

Ноги она потеряла два года назад, когда, занимаясь паркурком, сорвалась с крыши дома.

Вершитель Добра

Юрка сидел у обрыва и ревел. Слезы застили взгляд, и он не мог разобрать в мрачной озерной дали – то ли мелькнул там сделанный из пакета парус, то ли мигнула бликом волна...

– Что плачешь, мой юный друг? – раздалось вдруг сзади.

Юрка обернулся. Позади стоял мужчина в длинном, сером плаще. На груди белел вензель – сплетенные «В» и «Д».

– Кто вы?..

– Я – Вершитель Добра! – гордо выпятил вензель мужчина и повторил: – Что ты плачешь?

– Колумб!.. – всхлипнул Юрка. – Мальчишки сделали плотик и посадили туда Колумба. Он же еще маленький, он утонет!

– Ты ошибаешься, мой друг. Колумб – отважный мореплаватель, для него это озеро – лужа! И он вовсе не маленький, он взрослый настолько, что давно уже умер.

– Да нет же! – Юрка даже перестал плакать. – Колумб – это не тот, кто умер, это котенок! Но он теперь тоже умрет... – Слезы полились вновь.

– Не плачь! Неужто ты не понял, что я Вершитель Добра? Скажи мне: ты хочешь снова увидеть своего котенка?

Юрка отчаянно закивал.

– Тогда сиди и не подглядывай, – сказал мужчина. – Я начинаю вершить Добро!

Спрыгнув с обрыва, он исчез из виду. Вскоре послышалось визжание пилы, стук топора... Очень хотелось посмотреть, что же делает добрый Вершитель? Но тот просил не подглядывать, и Юрка решил быть честным.

Наконец мужчина взобрался к нему и протянул руку:

– Ты готов?

– Да! – вцепился в его ладонь мальчик.

– Зажмурься и не открывай глаза, пока я не скажу.

Юрка сжал веки. Вершитель Добра подхватил его и, судя по длинным прыжкам, понес вниз. Затем сильные руки разжались и слегка подтолкнули в спину. Мальчик шагнул и почувствовал, что его закачало. Ему стало не по себе, но Вершитель не разрешал открывать глаза, и он изо всех сил терпел. Наконец откуда-то издали донеслось:

– Открывай!..

Юрка распахнул веки и увидел... серый плащ с вензелем «ВД», распахнутый парусом над сколоченным из узких бревнышек плотиком.

Мальчик в ужасе оглянулся. Берег был уже далеко. Вместе с ним стремительно удалялся гордый силуэт со скрещенными на груди руками.

Автостоп

Сокращать не всегда полезно. Я решил срезать – и машина перемещений стала кварковой пылью, а сам я оказался на незнакомой планете.

Встроенный в мозг скан оценил обстановку, и в миг, когда мои нижние конечности (всего две штуки!) коснулись чужой почвы, я уже знал, что по-местному они называются «ноги», а запаковавший меня скаф выглядит в точности так, как и населявшие эту планету «люди».

Выдвинув, насколько смог, «глаз», я оглядел себя. «Мужчина», «ничто так» – возникли в мозгу ассоциации на новом для меня языке. И если первая означала всего-навсего пол (их здесь тоже было только два!), то вторая выражала одобрение.

Но красоваться перед аборигенами я не собирался. А поскольку очутился в населенном пункте, тут же поспешил его покинуть, благо дело было ночью и никому «на глаза» я пока не попался.

И сразу удача! В стороне от темных жилищ стояла ярко освещенная машина перемещений. Я бросился к ней, и вовремя – сидевшая внутри «женщина» еще не успела стартовать.

– Буду вашим спутником! – крикнул я, протягивая инфокристалл в золотой, в виде кольца, оправе.

Верх ее скафа почему-то стал красным.

– Ты зовешь меня в ЗАГС?

Я обрадовался. От Звездного Анклава Галактических Сфер до Межзвездного Органа Региональных Галактик было недалеко.

– Если вы в ЗАГС, то я с вами! А уже оттуда – в МОРГ.

– В морг? Думаешь, я тебя...

– Нет-нет! В МОРГ я уже сам. Всего-то пятьдесят световых лет!

– Уверен, что тебя хватит на пятьдесят? – один «глаз» «женщины» ненадолго закрылся, а потом отчего-то заблестел.

– Меня?.. – сглотнул я. – Ваш аппарат питается плотью?

– Я думала, твой аппарат будет питаться моей плотью, – снова закрылся и открылся блестящий «глаз». Изо «рта» высунулся «язык» и облизнул «губы».

– Вы знаете, – попятился я, – лучше я поищу машину сразу до МОРГа. Дайте кристалл!

– «Кристаллом» не торгуем, после десяти только пиво! – услышал я в ответ. – А будешь шуметь, морг тебе ребята быстро организуют.

Из-за машины перемещений тут же возникли «ребята» (опять две штуки!). Я с облегчением зашумел.

Мечтатель

Он представлял себя готовящимся к старту космическим кораблем. Как уголь черна казахстанская ночь. Залита тревожным светом кабина. Замерла в кресле-ложементе, опустив руку на цифровую панель пульта управления, космонавт-исследователь Тучко Инна Олеговна. О отважная летчица смежила веки. Но она не спит – вслушивается в доносящиеся через маленькие белые наушники команды ЦУПа:

- Ключ на старт!
- Протяжка-один!
- Продувка!
- Ключ на дренаж!
- Протяжка-два!
- Зажигание...
- Промежуточная!..
- Главная!..
- Подъем!!!

Вскидывается Инна Олеговна, убирает руку с пульта, смотрит на часы, зевает... Эх, испортила такой старт!

Ладно. Это не старт. Наоборот, посадочный модуль только что опустился на неизведанную планету, на пыльные тропинки которой не ступала еще нога не только бесстрашной Инны Олеговны Тучко, но и вообще ни одного человека.

– Улетай, туча!.. – доносится из белых наушников. Но Инну Тучко не запугать. Она поправляет скафандр и пристально глядится в темноту за стеклом иллюминатора. Мигают в чужом небе незнакомые звезды. Нет, не просто мигают – подмигивают: дескать, а ну, кто тут у нас такой храбрый? А вот мы тебя сейчас!..

И надо же – две звезды, словно и впрямь спустившись с неба, становятся вдруг ярче, крупнее, разгораются злобным багряным светом. Сноп искр!.. Одна звезда отлетает в сторону. Следом, роняя звездочки поменьше, летит вторая.

Стук в иллюминатор!.. У корабля невольно съеживаются баки. Потек какой-то краник. Простительно – страх-то какой!

Снаружи доносится вой инопланетного чудища:

- И-и-инка!!! Дай пару баллонов заправиться! Трубы горят!..

Рушится иллюзия, перестает течь краник, космонавт-исследователь кидает в рот семечку и сплевывает шелуху.

- В долг не даю. От винта! Проехали!..

Рисунки на стене

– Изрисовали, паразиты!

Крик за окном разбудил Иру. Она позвала маму, та помогла ей сесть в кресло.

Ира подъехала к окну. На торце соседнего дома, выкрашенного недавно в бежевый цвет, синело море. Ира вздрогнула. Такое море она нарисовала вчера на тетрадном листе, а потом свернула его самолетиком и выпустила в форточку. Только на ее рисунке было еще закатное небо, солнце и уплывающая вдаль лодка.

Следующим утром Ира первым делом выглянула в окно. На стене багровое солнце тонуло в морской воде на лазоревом фоне неба.

В этот же день она услышала, как мама говорит бабушке:

– Фроловы вернулись из Англии. Помнишь, их Колька до четвертого класса с Ирой сидел? Потом они уехали, а через месяц с Ирочкой... – из кухни послышался всхлип. – Теперь он в этом же классе два года доучиваться будет. Только Ире не говори.

На третье утро в море появилась лодка. В ней сидели двое – парень и девушка. У парня были светлые, почти золотые волосы.

Вечером Ира достала тетрадь и нарисовала себя. Одну. В кресле на колесах. Свернула самолетик и швырнула в открытую форточку.

На другое утро ей было страшно глядеть в окно. Но она посмотрела. Стена вновь стала бежевой. Сквозь слой свежей краски проглядывало тусклое солнце. «Художнику» пришлось попотеть – с десятков баллончиков, сложенных аккуратной горкой, поблескивало возле стены.

Слез у Иры не было. Колька все сделал правильно.

Ахнула мама, выглянув через день в окно. Испуганно глянула на дочь, закусил губу, стала задерживать штору. Но Ира уже сидела в кресле и быстро подкатилась к подоконнику.

На стене была нарисована она – с раскинутыми словно крылья руками, подобно готовящейся взлететь птице. А снизу ее поддерживал стройный золотоволосый юноша. Он был нарисован столь искусно, что казался настоящим. Или... Да! Он и был настоящим, поскольку, увидев ее в окне, взмахнул руками, и ринулся к ее подъезду. А ее изображение на стене отправилось в полет. Впрочем, Ира не могла уже понять, которая она – нарисованная или настоящая – летела сейчас выше.

«Бы»

Он смотрит на меня долго и пристально, а потом говорит:

– Я обязательно свозил бы тебя на море.

Я никак не могу понять, что выражает его взгляд. Мне почему-то кажется, что в глазах передо мной нет ни капли любви. По-моему, так смотрит удав на кролика, когда хочет пообедать. Но вслух я этого не произношу; наверняка он с обидой скажет, что я – бессердечная привереда с неумной фантазией, которая вечно напридумывает всякой ерунды, не замечая очевидных вещей. Поэтому я отвечаю:

– Море – это хорошо. Я сто лет не была на море. Спасибо тебе.

Он все-таки обижается:

– Зачем ты язвишь? Я сказал совершенно искренне!

– А я совершенно искренне тебе ответила: спасибо, – не понимаю я его упрёка.

– Ты сказала это с сарказмом. А я и правда хотел бы свозить тебя на море. Мы бы пили вино под звездным небом, купались бы обнаженными при свете луны в ночном море...

– Почему именно в ночном? – удивляюсь я. – Позагорать я тоже не против. И желательно в купальнике.

– Ты такая приземленная, Анна! Жариться на солнце – это так банально! Неужели тебе никогда не хотелось снять с себя все и, подобно Афродите, одеться в соленую пену прибоя?

– Честно? Не хотелось бы. И потом, Афродита не лезла ночью нагишом в море, она в пене родилась. Причем, если не ошибаюсь, при свете утренней зари.

– Ну вот, опять ты язвишь! – разводит он руками. – С тобой невозможно мечтать!

– Хорошо, – сдаюсь я. – Поехали.

– Куда? – вздыхает он брови. Сейчас он похож не на удава, а как раз на изумленного кролика.

– На море. Купаться голышом при луне.

– Но... – запинаясь он, – сейчас не сезон...

Мне так и хочется возразить, что на Земле немало мест, где и в декабре теплое море. Но я, конечно, не говорю ему этого. Шепчу только, невольно отводя взгляд:

– А если бы сейчас вернулось лето?

– Неужели ты сомневаешься? Тогда я обязательно свозил бы тебя на море!

Колдовство

Когда следствие заходит в тупик, в Тумбурдии не считается зазорным обратиться за помощью к колдунам. Негласно, конечно, хотя и секрета из этого не делают.

Вот и сейчас, когда сыщик Ту Ю привел на место преступления колдуна, вокруг уже собралась толпа любопытных.

– Вот, – ткнул Ту Ю под ноги, приподнял служебный колпак и почесал потную лысину. – Это все, что осталось от бедолаги. Одна голова. Сможешь узнать, кто это сделал?

– Я уже это знаю, – хмыкнул в обвисшие усы колдун.

– Нет-нет! – запротестовал сыщик. – Догадки мне не нужны. Пусть даст ответ твое колдовство!

– А разве колдовство может служить доказательством? – выкрикнул кто-то из толпы. Ту Ю показалось, что он узнал голос судьи Фром Ми.

– Нет, – вздохнул сыщик. – Но оно может вывести на след преступника. А там уже и за официальными доказательствами дело не станет.

– Тогда ладно, – согласился голос.

– Можно? – из-под густых седых бровей глянул на Ту Ю колдун.

– Давай! – на пару шагов отступил сыщик.

– Расступитесь! – обвел колдун зрителей раскинутыми руками. – Дайте голове исполнить танец!

Он простер тонкие худые ладони над отрезанной головой несчастной жертвы, и та вдруг, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее завертелась, подпрыгивая, в дорожной пыли. Казалось, она и правда танцует под нервными, резкими пассажами длинных пальцев.

«Танец» продолжался недолго. Голова, подпрыгнув в очередной раз, замерла, уткнувшись носом в красный сапог колдуна.

– И... что?.. – вновь приподняв колпак, отер лысину Ту Ю.

– Ты видишь сам. Это сделал я. Я же сразу сказал, что знаю это.

– Но... зачем?!..

– Мне нужно было тело сорокалетнего хромого девственника для очень важного колдовства. Думаешь, так просто было его найти?

– А... она?.. – сглотнув, кивнул сыщик под ноги колдуна.

– Нет. Рыба гниет с головы, – не очень понятно ответил тот.

– Тогда ты арестован, – развел руками Ту Ю.

– За что? – усмехнулся в усы колдун и перевел взгляд на толпу. – Разве колдовство может служить доказательством?

– Нет... – слились в один голоса Ту Ю и Фром Ми.

Ничья

– Вот, – на большом белом экране нарисовал красный треугольник Генерал, – это Земля. – Затем отошел и вывел второй треугольник, синий. – А это Марс.

– Позвольте поправить, мой Генерал, – подал голос Полковник. – Скорее, наоборот: Марс – красный круж... треугольник, а Земля – синий.

– Что?!.. – побагровел Генерал. – Вы будете со мной спорить?!

– Никак нет, – вжал голову в плечи Полковник.

– То-то же... Итак, ваша задача: выяснить, есть ли жизнь на Марсе, – изобразил он в центре синего треугольника зеленую, похожую на соплю закорючку, – и, если она там есть, уничтожить эту угрозу, – перечеркнул он «соплю» вместе с треугольником. – Задача ясна?

– Так точно! – вытянулся во фронт Полковник.

– Вот и хорошо, – по-отечески улыбнулся Генерал. – А мы тут пока займемся испытанием нового оружия. Как-никак, а треуголь... в смысле, планет, и без Марса – пальцев, чтобы пересчитать, не хватит. – Он пошевелил тремя короткими обрубками покалеченной правой ладони. Левый рукав его кителя был заправлен под широкий ремень.

Эскадра для полета к Марсу была готова через три дня. Полет занял три недели. Число «три», будто нарочно, всюду теперь преследовало Полковника. «Неужели я был не прав? – морща лоб, размышлял он, – неужели и впрямь Марс – это синий треугольник?» Но через две недели пути, когда цель полета выглядела не бесцветной точкой, а отчетливым красным диском, Полковник восторжествовал: он оказался прав, никаким синим треугольником тут и не пахло!

Жизни на Марсе не оказалось, но на всякий случай, чтобы не стать потом крайним, Полковник отдал эскадре приказ на полное уничтожение планеты.

Весь обратный путь душа Полковника ликовала и пела: прав был все-таки он, а не этот старый пердун!.. Вот и Земля тоже никакой не красный треуголь...

Но что это?! Полковник прильнул к обзорному экрану, не веря глазам... Там, где по своей извечной орбите должен был торжественно плыть голубой шар, вертелся... гигантский огненный обломок треугольной формы.

– Ничья... – пробормотал Полковник, доставая из кобуры пистолет.

Дура

«От этого не умирают. Возьми себя в руки!»

Вот что сказала она, перед тем как уйти навсегда.

Глупые слова. Чем говорить такое, лучше совсем промолчать. Я представил, как беру себя в руки: обнимаю под мышками, пытаюсь поднять... Еще один Мюнхгаузен! Может, и правда – потянуть себя за волосы? Это будет считаться, что я взял себя в руки?

Я даже попробовал. Получилось плохо. Наверное, опыта мало – давно я не брал себя в руки.

Услышать такие глупости напоследок!.. Обидно. Впрочем, особым умом она никогда не блистала. Я знал это всегда; пожалуй, с первой еще нашей встречи, когда сказал, что ее имя – палиндром, а она обиделась. Но знал – умом, а сердцу... или чему еще там?.. на мои знания было глубоко плевать.

Собственно, тут все сводится к элементарной химии: клетки мозга влюбленного усиленно вырабатывают допамин – вещество, сродни наркотику. Так что я – всего лишь наркоман. И как обычный наркоша не задумывается о том, путает ли его наркодилер пояс Койпера с брючным ремнем или «Процесс» Кафки с возможным судебным процессом над ним самим, так и мне было все равно, читала ли моя любимая хотя бы «Анну Каренину»... Ну, почти все равно. Хотя, при чем здесь та Анна?.. А хотя бы при том, что иногда от этого все-таки умирают. Не совсем, правда, от этого, но ведь как раз там и сказано, что каждая несчастливая семья несчастна по-своему. Ладно, у нас еще не было семьи, не надо придирааться к словам. Просто не нужно говорить глупости! Если от этого не умирают, то уж точно и не живут.

И все-таки хорошо, что она дура. Я что, наконец произнес это? Впрочем, оно и к лучшему – нужно называть вещи своими именами. И чем чаще я стану это делать, тем скорее, быть может, выбью из себя гадкую дурь на леденцово-липкую букву «л»... Дура – дурь. Весьма символично. А ну-ка, еще: дура, дура, дура!..

Я не стану брать себя в руки. Накладывать их на себя – тем более. Если не пройдет ломка, пойду искать нового дилера. Хотя бы с неоконченным высшим.

Куратор Кактусов

Олег Юрьевич Кактусов работал куратором. Когда, узнав о профессии, его спрашивали: «О! Вы курируете студенческую группу?», или: «Это не вы организовали выставку «На море, в небе и на суше»?», он смущался, краснел и лепетал что-то вроде: «Да, можно сказать, группу...», или: «Мы, в основном, на суше. В небе – только если очень недолго».

Дело в том, что Олег Юрьевич разводил кур.

И вот однажды его вызвали к мэру. По какой-то ерунде вызвали – то ли похвалить за высокие показатели работы, то ли поругать за низкие...

Секретарь доложил шефу по телефону: «Куратор Кактусов прибыл. У вас на три назначено» и кивнул Олег Юрьевичу – вперед, дескать.

А мэр и забыл уже за более важными делами о таких пустяках. И в чем там суть вообще – тоже напрочь запаматовал. Но и спрашивать у секретаря поостерегся – и так уже стали судачить о его забывчивости.

Зашел Кактусов в кабинет, прижался к стеночке. Мэр ему рукой, дружески так:

– Да вы присаживайтесь к столу, что вы как неродной!

Присел Олег Юрьевич с краешку, дышать боится.

– Ну, – говорит мэр, – и как там наши кактусы?

Куратор решил, что мэр шутит: мол, у кур – клювы, у кактусов – колючки...

– Хорошо, – отвечает. – поголовье с прошлого года увеличилось вдвое.

– А вы их что, по головам считаете? Где же у них головы? Это шишки такие зеленые?

«Хороший у нас мэр, – подумал Кактусов, – с юмором. Вот только почему зеленые? непонятно...». Но честно ответил:

– У нас, в основном, белые, корниш. Яйценоскость – сто тридцать. Но это больше мясная порода. Пробуем черных австралорпов, у тех яйценоскость под двести. Зеленых пока не заводим... А надо?

– Обязательно! – обрадовался мэр, чиркнув для памяти в блокнот: «Заказать кактусиные яйца!» – Иначе над нами смеяться будут. Черно-белые – это нонсенс, вчерашний день. Хотя умрите, но через месяц дайте мне хотя бы тысячу зеленых кактусов!

Олег Юрьевич успокоился. «Дайте мне тысячу зеленых, Кактусов!» – это ему было понятно.

А через месяц он сел. За дачу взятки. Но всем потом говорил, что за кактусы.

Сочувствие

Он первый раз в жизни видит, как сносит башню. Тому, в окне. Башня высовывается в прямоугольный портал, разделяющий пространства, и ее сносит. Напрочь, с хрустом, с веселой песней:

– Ай-яй-яй-яй-яй, сорвало башню! Сорвало башню, насовсем открутило!

Непонятно, кто поет – он сам, или безбашенный в окне?

Какая разница! Какая разница, кто, где и когда? Ведь надо что-то делать, срочно и быстро!

Он срывается с места. Быстрее, чем собственные ноги. Падает на посыпанную гравием дорожку. Каждый камешек виден отчетливо, прямо-таки осязаем глазами, вылизываем зрением. Но вот попадается угловатый и острый; зрению колко, неприкаянно, больно. А как, наверное, больно тому, в окне? О, лучше не вспоминать, не думать! Ведь думать – такое великое благо, а тот, в окне, лишен этого.

Мыслить становится сплошным наслаждением. Тому не дано, а ему можно! Это ли не высшее блаженство, не размягчающая нега, томно пульсирующая на кончиках нервов? Особенно, когда оно почти запрещено – пусть самим себе, пусть ненадолго, но все же...

Мысли независимо от него продолжают бурлить, вспучиваться. Еще немного – взорвутся, выплеснут через край, испачкают липкой сладостью окружающий мир.

Он вскакивает и бежит, бежит в цветастых сполохах мыслительной энергии, льющейся из ушей и прочих головных дыр. Бесстыдной откровенностью зияет рот:

– Какая разница-а... где я не буду никогда-ааа!..

Да-да, именно эта песня! Она сочинилась сама, только что, спонтанно, но как же точно, как правильно, как метко!

Какая разница, если это не он, это не с ним? А с ним такого не будет никогда, потому что тот, другой, занял его место. Но ведь он хочет, чтобы того спасли, выдернули из окна... И тогда... тогда место для башни будет свободно. Для его башни!

Так может, не стоит бежать?

Но кто побежит, если его самого, например, переедет каток? Кто будет радоваться собственной выпуклости, сокрушаясь его омерзительной плоскости? Скажут: нет, беги сам, коли ты не сделал этого в тот раз.

А тот раз – как раз вот он. Значит, надо бежать.

Новый рецепт

Ольга Петровна очень любила кофе, а его приготовление было для нее сродни камланию. Она молола зерна с вечера и только на ручной мельничке, причем никогда не делала этого впрок, ведь аромат молотых зерен так недолговечен.

А сегодня Ольга Петровна придумала нечто особенное. Доставать банку с волшебным порошком она пока не спешила. Взяла потемневшую от времени латунную джезву, не наливая воду сыпнула в нее чайную ложку сахара и поставила на зажженную конфорку. Очень быстро джезва нагрелась, и песок стал медленно плавиться, насыщая воздух запахом карамели. Чуть подождав, пока сладкая субстанция приобретет светло-коричневой оттенок, Ольга Петровна залила в зашипевшую джезvu воду и отправилась будить мужа.

Когда она вернулась, вода уже собиралась закипать. Настала очередь и для заветной баночки с помолотыми зернами. Насыпав в джезvu три ложки порошка, Ольга Петровна стала ждать появления пены. Потом быстро сняла латунный сосуд с плиты и подождала, пока пена уляжется. Затем еще дважды ставила джезvu на плиту, каждый раз снимая ее, как только кофе вновь готов был закипеть.

К окончанию кофейного таинства в кухню зашел супруг Ольги Петровны Василий. Повел носом и сморщился:

– Что, молоко убежало? Вот ведь разиня ты, Олюшка.

– Какое молоко? Это кофе. Мой новый рецепт.

– Значит, молоко уцелело? – обрадовался муж и открыл холодильник. – Вот я его и выпью. Как говорится, белые начинают и выигрывают, – достав пакет, стал наполнять он стакан.

– Конечно выигрывают, – закивала Ольга Петровна. – Молочко-то в нашем возрасте полезней, чем кофе. Пей, Васенька, пей.

Но, мысленно ухмыльнувшись, подумала она совсем другое: «Ты ошибаешься, мой друг, выиграла я: вместо одной чашки кофе мне достанется две».

А еще в ее голове родились вдруг строки:

*«Черный кофе, глоток обжигающий, —
Вкус мечты, желания слепок!..
Умирая, у окружающих
Попрошу я тебя напоследок».*

Сей экспромт Ольге Петровне понравился. Еще бы! О молоке такого не скажешь.

Гулёна

- Мама, я пошёл!.. – крикнул из прихожей Костик.
- А обедать? – выглянула из кухни мама. – Скоро будет готово.
- Я недолго, – шмыгнул сын носом, – успею.
- Знаю я твоё «успею», гулёна. До вечера тебя не дозовёшься! С кем идёшь, опять с Мишкой?
- С Мишкой. А чего? Он мой друг, мы всегда с ним вместе.
- Вот это-то меня и тревожит... – вздохнула мама. – Где твой Мишка – там и приключения.
- Приключения – это же здорово!
- Только не такие, чтобы вас опять всем миром искали! Сразу говори, куда пойдёте?
- Ну... – замялся сын. – Мы недалеко тут...
- Говори конкретно: куда недалеко?
- В этот... ну... ближний космос, – шмыгнул носом Костик.
- В ближний космос?.. Что вы там забыли?
- Мы не забыли, там другие забыли. То есть, оставили. Там знаешь сколько всего полезного – у-ууу! И оно уже никому не нужно, всё равно в океан упадет или сгорит в атмосфере.
- Вот-вот! И вы вместе с мусором этим или упадете или сгорите!
- Да ты чего, мам? – заморгал сын. – Мы что, маленькие? И где мы ещё деталек наберем, если не там?
- Каких ещё деталек? Зачем?
- Ну, мы... это... Кораблик хотим сделать.
- Какой ещё кораблик? На Луну собрались?
- Не, Вовка говорит, на Луну непрестижно. Уж если лететь, то на Марс.
- А больше твой Вовка никуда не хочет?
- Хочет, мама, ещё как хочет, – вздохнул Костик. – Только никак финансирование не выбьет. Вот и на Марс-то приходится самим по гаечке собирать.
- Гнать твоего Вовку пора, не его это – «Роскосмос» возглавлять. А вот тебе, чем по ближнему космосу шлаться, там бы самое место. Все-таки и правда не мальчик уже, шестой десяток пошёл.
- Да ладно тебе, мам, – шмыгнул носом Костик. – Если я главой «Роскосмоса» стану, как же я на Марс полечу?.. А Вовка ещё себя покажет, ты не думай. Нам бы денежек только... Дай, мама, а?..
- Я так и знала, что этим кончится! – всплеснула руками мама. – Сколько тебе?
- Ну... это... на горючее, окислитель... У Мишки ещё скафандр прохудился.
- У Мишки своя мама есть. На вот тебе на окислитель с горючим – и проваливай. Но чтобы к обеду был дома! Я два раза греть не буду.

Ракета

- Деда, нарисуй что-нибудь, – просит правнук.
Три года Герке, а любознательный – жуть!
Рисую ракету. Получается кривенько, но ничего, узнать можно.
– Что это? – морщит внук лобик. – Зубная щетка?
– Это ракета, – говорю. – На ней в космос летали.
– Где папа работает?
– Нет, папа в бизнес-центре работает, он просто так называется – «Космос». А ракета в настоящий космос летала, где звезды, планеты...
– «Планета-Банк»? – оживает правнук. – Дедушкин?
– Нет, не банк. Планеты – это... Ну вот Земля наша – тоже планета.
Герка смотрит на меня с испугом:
– Так ведь земля – это все и есть, деда. Как она может быть еще где-то? Наверное, зарядка у твоего биостаба кончилась. Принести импульсник?
– Ничего у меня не кончилось, – начинаю я злиться. – А Земля – это планета, одна из многих. Такой большой шар, вращающийся вокруг Солнца.
Герка хихикает, но испуга в его глазенках становится больше.
– Но ведь солнце – оно маленькое. И оно вон, наверху. Как вокруг него можно вращаться? А земля разве может быть шаром, ты что, деда? Ее бабушка на квадраты делит и людям продает. А как бы она шар на квадраты делила? Нет, земля плоская.
– И стоит на трех китах? – фыркаю я.
– Как на них можно стоять? – уже вовсю хохочет правнук, решив все же, видимо, что я его разыгрываю. – «Три кита» – это же мамин торговый центр!
– Эх, внучек, – вздыхаю я. – На дворе середина двадцать первого века! Да скажи мне кто раньше, что в 2050-м году дети о космосе знать не будут!.. Мы-то им бредили просто.
– Вы все так сильно болели? – жалостливо вздыхает Герка. – Ну да, тогда же биостабов не было.
– Тогда у нас мечта была! – не сдерживаюсь я снова. – Мы к звездам стремились, а не... – Я все-таки беру себя в руки и тихо говорю: – Ведь я и тебя попросил назвать Германом в честь второго космонавта.
– Деда, ты зачем ругаешься? – куксится правнук. – Это плохое слово, так только наркоманов обзывают. А меня Германом назвали, когда мама с папой Германские Мануфактуры купили, вот... Не рисуй мне больше ракету, нарисуй лучше кассовый терминал.

Счастливое имя

Грех обижаться на родителей, скажете вы. А давать детям такие имена не грех? Иванов Кьюриосити Александрович. Каково? И ладно бы мама с папой были какими-нибудь прибабахнутыми, так ведь нет – умные, интеллигентные люди. Только чересчур, видать, умные. И на Марсе своем повернутые. То есть, в общем-то, да, прибабахнутые. В хорошем смысле этого слова.

А почему Кьюриосити? Ну как же! Наверняка ведь знаете, кто первые следы древней марсианской цивилизации нашел... Да Хокинг с вами, какой Александр Иванов! Иванов – это мой папа, он лишь те находки описал и классифицировал. А нашел их в апреле 2013-го марсоход «Curiosity¹». Аккурат в тот день, когда меня угораздило на свет появиться. Вот папа с мамой на двойных-то радостях... Ну да, Наталья Иванова – это моя мама. Да, это она расшифровала найденные марсианские письма. А меня вот зашифровала.

Лет в двенадцать я потребовал у родителей новое имя. Тем более, я всем представлялся Кириллом, да и откликался только на это имя, так что папе с мамой все равно пришлось меня Киром звать. Однако насчет официального «переименования» они дружно встали в позу: или Кьюриосити, или я им не сын.

В общем, обижен я на родителей сильно. Был. До нынешнего сентября. Пока не пошел в универ. И в первый же день на большой перемене ко мне подошла она. Анна. Глаза огромные, серые; я как глянул в них – так и пропал. И она, вижу, волнуется – пальчики-то дрожат, когда волосы свои черные поправляет. Но разговорились, нашли общие темы, да так и стали встречаться. И ведь что интересное: она – умница и красавица, а я – так себе, откровенно-то говоря... Ну, вы сами видите. Так что никак я понять не мог, что Анна во мне увидела, зачем тогда подошла. Она ведь даже не с нашего потока, так что специально в тот день меня отыскала.

¹ Любопытство (англ.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.